

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛЕ ИЛЛЮЗИИ

В статье обосновывается тезис о том, что никакая общественная система не может быть рекомендуема, если она не окажется выраженной с помощью модели, объясняющей мотивации, скрывающиеся за причинными процессами. Ученый испытывает потребность в особых предметных иллюзиях (например, «картина мира», «теоретическая модель»), ориентированных на саму действительность.

Ключевые слова: иллюзия, реальность, теория.

Одна из важнейших социальных функций иллюзии заключается в том, что она обеспечивает возможность сохранения наличных коммуникативных структур в условиях расходящихся и часто практически несовместимых интересов. Следует учитывать то обстоятельство, что на всех исторических этапах цивилизации обман выступал важнейшим средством подчинения одного класса другому, одной социальной группы другой. Но если обман – это непереносимое средство борьбы за власть, орудие честолюбия [6], корысти, то иллюзия – это не только **форма сознания, но и форма бытия**. Человек, находящийся во власти иллюзии, часто свои мысли и чувства принимает за подлинную реальность. Иллюзия возникает именно в тот момент, когда под идеалом мыслится потенция, способная привести к идеальному состоянию действительность, т. е. при этом исчезает «зазор» между идеалом и реальностью.

Иллюзия, в отличие от мифа, полностью не лишена рефлексии, размышления. Если миф есть полная отрешенность от смысла (своих или чужих поступков), то иллюзии часто наполняли энергией культурные и социальные движения масс и конкретных людей.

При этом сложным и дискуссионным остается вопрос о соотношении мира общественного мнения и мира иллюзий. По мнению Б.А. Грушина, общественное мнение может быть не только истинным, но и иллюзорным. Оно всегда есть своеобразное смещение точных знаний и иллюзий, переплетение истины и фантастики [5].

Заблуждения и иллюзии могут носить гносеологический характер. Последний обусловлен сложностью явлений действительности для понимания на уровне обыденного сознания, на уровне образования людей и т. д. Многие исследователи еще в недалеком прошлом полагали, что в условиях социализма отсутствуют силы, заинтересованные в культивировании иллюзий, и что

«социалистическое общественное мнение» выражает истину. Такая аргументация есть проявление иллюзорного отношения к миру (в данном случае к миру «социализма»). Идеал здесь был не только принят за саму действительность, но и, облеченный «энергией масс», стал как бы «всасывать» в себя всю действительность, превращаясь в идол. Необходимо подчеркнуть, что функциональная действенность иллюзии ограничена определенным сроком ожидания, своего рода «периодом полураспада» надежды и ее увядания, после чего неизбежно возникает массовое разочарование, социальная апатия, утрата веры в соответствующие идеалы.

Исторический опыт свидетельствует о том, что правящие круги, группы широко использовали «защитную» функцию иллюзии, и не только путем производства тщательно продуманных, вводящих в заблуждение действий, но и путем инспирирования, поощрения некоторых видов обмана, исходящего от частных лиц. Такой обман часто приводил и приводит к созданию иллюзий о царе-спасителе, о слабости жаждущих спасения, о прекрасном времени, которое мыслится в более позднем и отдаленном времени и т. д.

Важно отметить, что когда мы ведем речь о социальных функциях иллюзии, то это касается не только результатов действий институционального субъекта, официального лица или социальной группы, но и тех последствий, которые могут быть вызваны иллюзорным отношением к реальности со стороны любого отдельного лица и которые возникают и формируются в сфере межличностных отношений.

Люди честные и талантливые нередко оказываются жертвой иллюзий, распространяемых теми, кто стремится ввести их в заблуждение, посеять опасные иллюзии. Лица, распространяющие иллюзии и захватившие руководя-

щие позиции, как правило, начинают выступать в роли блюстителей нравственности, поскольку им весьма выгодно иметь дело с честными и добросовестно выполняющими свои обязанности людьми. Эта двойная мораль – одна для себя, другая для управляемых – неизменный атрибут антидемократических режимов и бюрократически организованных учреждений, «закрытых» для свободного критического обсуждения.

Исследование социальных функций и природы иллюзии неизбежно приводит к следующим выводам.

Люди очень мало знают о прошлом и настоящем, несмотря на то что историческая наука достигла достаточно весомых результатов. Как результат всего этого, суждения людей о будущем оказываются ненадежными и не отражают всей картины социального мира. Да и человеческое сознание с момента его формирования обыденной практикой ориентировало индивида не только на конкретное, но и на абстрактное. Эти абстрактные связи, закрепляясь в запретах, нормах, средствах самореализации людей, становились общественно необходимой основой индивидуальных проявлений человеческой жизни.

Но являются ли эти запреты тем, что характеризует подлинную действительность, а не видимость, не иллюзию? Ведь чтобы принять и понять близкого человека, не требуется особых нравственных усилий. Настоящее испытание культуры начинается в тот момент, когда она осуществляет контакт с людьми чужими, чуждыми или враждебными. Христианство выдвинуло идею культурной презумпции: вначале признай в другом человеке человека, а потом оценивай и суди его. Но такая презумпция возможна лишь в мире, где существуют разные социальные и культурные системы. Так, формируется социальное пространство для развития человеческой способности понимания других и прежде всего чужих людей.

Сократ, Будда, Христос проложили пути к пониманию достойной человека жизни. Идя по этому пути, они разрушали господствующие социальные и культурные перегородки или иллюзии. Но нельзя также сказать, что они вообще покончили со всякого рода иллюзиями. Напротив, они положили начало новым иллюзиям, новым надеждам и разочарованиям.

Строго говоря, человеческая культура обнаруживает перед нами две стороны. Она охваты-

вает не только все накопленные людьми знания и умения, но и в то же время – все институты, необходимые для упорядочения человеческих взаимоотношений. Весьма примечательным при этом является то, что люди остро ощущают те жертвы, которые требует от них культура. Поэтому они и выдвигают идеи, совершают поступки, выходящие за предел нормативности. Идеальное стало не только отражать социальный мир, но и активно творить его в виде смыслов, норм, форм отношений, которые с течением времени стали обретать свое воплощение в практической деятельности.

Вполне понятным является стремление социалистов каким-то образом переупорядочить человеческое общество. Но действительности трудно угнаться за воображением, поскольку изображать желаемое легко, а достичь – трудно. Любое влечение хочет, чтобы оно было. Влечение (в том числе и к будущему) не духовно, а материалистично. Ведь оно жаждет иметь, наслаждаться. «Пока я ничего не желаю, – говорил Я. Беме, – я нахожусь в состоянии мира, свободы и равенства, но я не имею также качеств, я ничто. Только во влечении я получаю свойства, становлюсь определенной сущностью – алчущей, жаждущей, женолюбивой, честолюбивой и корыстолюбивой самостью, чем-то» [1].

Итак, запрет влечений, как и их чрезмерное поощрение, является иллюзией. Но в первом случае – это такая иллюзия, благодаря которой существует культура. Во втором – иллюзия выступает как нечто исключительно негативное.

Исследуя социальные функции иллюзии, следует различать иллюзии мнимые и реальные. По мнению Я.Э. Голосовкера, фантазия порождает мнимые иллюзии, которым противостоят иллюзии реальные [44;142]. Основная функция мнимых иллюзий состоит в том, чтобы спасти сознание от страхов и ужасов неизведанного, неведомого. Кроме того, мнимые иллюзии охраняют сознание от его соприкосновения с ужасной действительностью. Именно здесь скрываются негативные корни религии. Когда Маркс говорит о том, что религия есть «иллюзорное счастье взамен его действительного счастья» или «опиум народа», то это, конечно, не определение в строгом смысле слова, но образ, метафора. Решающий шаг в сторону специфического понимания религии, которое отличает марксизм, был сделан в «Тезисах

о Фейербахе» и в «Немецкой идеологии» (1845–1846). Но пройдет еще немало лет, пока выйдет «Капитал», где, наконец, будет детально показана зависимость иллюзорно-фетишистских форм «практического» сознания (в том числе и религии) от условий материальной жизни людей [10].

«Ужас перед неведомым, – замечает Я.Э. Голосовкер, – и прежде всего перед смертью, разбудив фантазию, побудил ее создать иллюзорные миры: мир богов, демонов, духов, душ – и вызвать их в жизнь в качестве реальных положительных сил – без всякого якобы: они должны быть – значит они есть» [4;142]. Ужас перед истинами существования, перед «ведомым», оказался для фантазии (последнюю мы отличаем от воображения, которое больше имеет дело с творчески-познавательным процессом; фантазия же в основном не угадывает, а играет) теми плодотворными корнями искусства, из которых произросли негативные смыслообразы-символы – Ариман, Тифон, Дьявол, Иуда. «Одновременно с ними выросли как потребность идеи спасения мира жертвой и красотой или, если выразить эту идею точнее и субъективнее, выросла формула Шиллера и Достоевского: «Когда погибаешь от ужаса истины, тогда спасаешь себя красотой». Однако в этой потребности действуют и положительные силы: желание «увечковечить прекрасное как нечто совершенное, как некое эстетическое бытие» [4;142]. Красота же есть подлинный приют любви. Этим моментом, конечно, еще далеко не исчерпывается генезис эстетического, когда художник сначала подражал природе, а затем научился продолжать ее.

Рассуждая в этом плане, остановимся на реальных иллюзиях. Эти иллюзии бывают предметными и беспредметными. К предметным можно отнести многие образы героев литературных произведений. Эти герои не просто бытуют, а живут реальнейшим бытием, поскольку они обладают для нас большей реальностью и конкретностью, чем не только исторические лица, когда-то жившие, но даже чем ныне живущие. При этом можно также заметить, что художественный образ определенного исторического лица часто вытесняет его научно-исторический образ. Первый запечатлевается сильнее (например, Брут Шекспира реальнее для нас исторического Брута).

К предметным иллюзиям относятся и портреты. При этом необходимо различать историчес-

кие портреты и портреты как придуманные образы. Выдуманные образы могут являться воплощением идей, т. е. могут выступать смыслообразными. Например, в качестве последних выступает Мадонна как Божественная мать, Афродита как наисовершеннейшая красота.

Напротив, беспредметные иллюзии не воплощаются ни в какие образы, но могут быть олицетворены. Они носят ноуменальный, умственный характер. Беспредметные иллюзии, чисто ментальные, реальны не только в культуре. По убеждению Я.Э. Голосовкера, данные иллюзии обладают «естественной природной реальностью», поскольку инстинктивны [4;143–144]. Он, таким образом, полагает, что, например, «требование свободы жизненно реально, оно требование «просто инстинкта». Им обладает и зверь» [4;144].

Нам с данной позицией согласиться трудно и не только потому, что она логически далеко не безупречна (с одной стороны, свобода предполагается реальной, а с другой – относится к числу иллюзий). Дело в том, что уже немецкая классическая философия попыталась избавиться от понимания свободы как нечто чувственного и инстинктивного, связывая свободу с идеей духовного. И.Г. Фихте, развивая эту мысль, писал следующее: «Духовным следует считать то, само содержание коего не допускает вмешательства чувств» [12].

Если бы требование свободы было жизненно реальным и являлось требованием «просто инстинкта», то тогда не существовало бы столько точек зрения на свободу, не было бы такого обилия философских систем, трактующих принцип свободы по-разному. Затем следует также сказать о том, что многим свобода совершенно не нужна. Потребность в свободе есть именно то, что отличает человека как личность от индивида. Свобода, как сказал Фихте, «невозможна вне правового состояния – последнее необходимо отличать от **состояния естественного**, в котором не может быть реализована никакая свобода» [3].

Мы согласны с той мыслью Я.Э. Голосовкера, что «идеи-абсолюты суть стимулирующие силы личной творческой жизни и познания». В этом обнаруживается важнейшая функция иллюзии – выступать в качестве некой внутренней силы творческого процесса. Ведь сегодня прямые демаркационные линии между наукой и религией как иллюзорным отражением мира стали ме-

нее отчетливыми. Если ранее казалось, что наука повышает уверенность людей, преодолевает их ощущение бессилия и беспомощности, которое вызвано незнанием, то в настоящее время успехи практики, достигнутые при помощи науки, выводят нас на субъективно-психологическое состояние индивида, так что рельефно прослеживаются социально-культурные идеальные следствия вторжения знания в жизнь.

Идеальные, как и субъективно-психологические, причины могут иметь не менее реальные следствия, чем объективные, практические. «Верно, что научное исследование, – замечает Э.Ю. Соловьев, – доставляет человеку инструменты практического господства над определенными сферами реальности. Но это господство дается ценой разочарования в прежних инструментах непосредственного, мгновенного воздействия на всю реальность, на любую практически значимую ее сферу – инструментах, которые освящались оккультным мировоззрением, религией и социальным утопизмом» [11].

Таким образом, уничтожение иллюзий в отдельных случаях может вести к разочарованиям в прежних способах непосредственного воздействия на практическую жизнь.

Вероятнее всего, в исследовании сущности социальных функций иллюзии следует отталкиваться от той мысли, что есть некое истинное бытие, реализующееся в развитии, и в то же время есть реально существующий, но иллюзорный мир. При этом необходимо отметить, что мера реальности определяется ее соответствием идеалам.

Но нельзя принимать идеалы за реальность. Об их назначении и ошибочности их наивно-реалистического истолкования писал М.К. Мамардашвили: «К сожалению, в нашем обыденном мышлении, в том числе и в социальном, мы всегда совершаем роковую ошибку. То, что в действительности является предельно сопрягающим поля наших усилий, мы помещаем в мир в виде искомого в нем совершенного образца и ходячего идеала» [8].

Многие требовали и требуют отыскать пример идеального общества. Но этого сделать нельзя, и тогда начинают торжествовать нигилистические настроения. Еще М. Вебер развивал ту мысль, что социальное познание не является и не может быть прямым отражением реальных структур. Это и понятно, поскольку

сама действительность не «покрывается» понятиями, моделями и теориями. Образование понятий во многом зависит от точки зрения исследователя. Наконец, сама точка зрения и зависимые от нее постановки проблем эволюционируют с течением времени.

Если осуществляется неразумная экстраполяция возможностей разума на все сферы общественной жизни, то возникает такая псевдодуховность, которая безраздельно господствует, подавляя все остальные интенции. Человек со склонностью к такой абсолютной рационализации утрачивает способность к эстетическим переживаниям. Все свои действия человек просчитывает, тщательно калькулируя потери и приобретения. Подобное иллюзорное мироотношение настолько обедняет личность, что фактически приводит к отъединенности от мира, к замкнутости.

«Благое вижу, хвалю, а к дурному влекусь», – говорит Овидий в своих «Метаморфозах». Поэтому можно сделать вывод, что мир теоретического видения, отвлеченный от действительного субъекта, общественного субъекта, не является действительным миром. «В мир построений теоретического сознания в отвлечении от ответственно-индивидуального исторического акта я не могу включить себя действительного и свою жизнь как момент его, что необходимо, если это – весь мир, все бытие...» [2], – пишет М.М. Бахтин.

Чисто теоретическое сознание наиболее свойственно кабинетным мечтателям. Бюрократизм порой имеет много сходства с теоретизмом. Здесь прежде всего необходимо подчеркнуть следующее: иллюзорность, призрачность жизни бюрократа произрастает из оторванности от реальной жизни, из ухода от действительности. Ведь за жизнь бюрократ принимает не ее саму, а лишь те системы предписания, в которых она ему предстает.

Блестящую критику бюрократии дал К. Маркс. Он отметил, что бюрократы – это «иезуиты государства и его теологи» [9;271]. Сами они воображают о себе, будто являются хранителями «иерархии знания» [9;271]. В действительности бюрократия как социальное явление есть по своей сущности и цели «мнимое государство наряду с реальным государством» [9;272], «государство как формализм» [9;271], которое будучи корпорацией, жаждет своего самосохранения в качестве мнимой или иллюзорной силы.

Однако, верно обращая внимание на негативную сторону иллюзии, Маркс несколько, на наш взгляд, недооценивает ее положительной сущности. Ведь Гегель далеко не случайно говорил о том, что государственная идея находится выше уровня «публичного сознания», да и «народ не знает, чего он хочет». Верно излагая эту гегелевскую идею [9;291], Маркс тем не менее иронизирует над Гегелем, который якобы бюрократию объявлял божественным цветком внеземной мудрости [7].

Но глубокий философский смысл гегелевской мысли заключается в том, что бюрократия не позволяет всему ценному, что за долгие годы накопила в себе народная жизнь, дать ожить себя о действительность. Поэтому главнейшая социальная функция иллюзорности (бюрократия является одним из ее конкретных воплощений) состоит в том, чтобы спасти дух от ужасов действительности, защищать его под различными покровами видимости, а если надо – обесцветить его целиком.

Итак, социальное познание не является и не может являться прямым воспроизведением

культурных и социальных структур. В этом плане понятие «идеальный тип» М. Вебера выступает не в виде чистой конструкции мысли, т. е. является идеальным не в смысле полного отчуждения от действительности. Вебер часто подчеркивал дистанцию между идеальным типом и реальностью, делая ударение на теоретическом характере идеального типа. Гораздо меньше внимания он уделял дифференциации между идеальным типом и чисто спекулятивными построениями.

Таким образом, теория Вебера показала, что никакая общественная система не может быть объяснена или понята, если не будет выражена с помощью модели, которая, представляя собой как бы рабочую гипотезу исследуемого объекта, рационально объясняет мотивации, скрывающиеся за причинными процессами. Другими словами, ученый испытывает потребность в особых предметных иллюзиях (например, «теоретическая модель», «картина мира» и т. д.), ориентированных на действительность.

4.02.2012

Список литературы:

1. Анатомия мудрости. 106 философов. Жизнь. Судьба. Учение. В 2 т. – Т. 2. – С. 160.
2. Бахтин, М.М. Философия поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник, 1984–1985. – М., 1986. – С. 88.
3. Гайденко, П.П. Жизнь и творчество Иоганна Готлиба Фихте // Иоганн Готлиб Фихте. Сочинения. Работы 1792–1801 гг. – М.: Научно-исследовательский центр «Ладомир», 1995. – С. 33.
4. Голосовкер, Я.Э. Логика мифа. Приложение: Акад. Н.И. Конрад о труде Я.Э. Голосовкера. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – С. 142.
5. Грушин, Б.А. Мнение о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. – М.: Изд-во полит. литературы, 1967. – С. 46.
6. Дубровский, Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. – М.: Изд-во «РЭЙ», 1994. – С. 20.
7. Малинин В.А., Шинкарук В.И. К. Маркс, Ф. Энгельс и левое гегельянство. – Киев: Наукова думка, 1986. – С. 136.
8. Мамардашвили, М.К. Философия – это сознание вслух // Юность. – 1988. – №12. – С. 10.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955–1981. – Т. 1.
10. Митрохин, Л.Н. Философия религии: (опыт истолкования Марксова наследия). – М.: Республика, 1993. – С. 23.
11. Соловьев, Э.Ю. Знание, вера и нравственность // Наука и нравственность. – С. 199.
12. Фихте, И.Г. Сочинения в 2 т. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т. 2. – С. 721.

Сведения об авторе:

Лукьянов Аркадий Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки Башкирского государственного университета

Портянко Валерий Николаевич, докторант кафедры философии и методологии науки Башкирского государственного университета

450074, г. Уфа, ул. Фрунзе, 32, тел. (347) 2865284, e-mail: Lukjanov_a@mail.ru

UDC 1(07)

Lukyanov A.V., Portyanko V.N.

Bashkir state university, e-mail: Lukjanov_a@mail.ru

FUNCTIONAL FIELD OF ILLUSIONS

The article explains the idea that no social system cannot be recommended, if it is not marked with a model that explains the motivation hidden behind the causal processes. The scientist feels the need for specific subject illusions (for example, «world view», «theoretical model»), focused on reality itself.

Key words: illusion, reality, theory.